

Матвей

Часы показывали без двадцати пять. Ну, если по правилам, то шестнадцать часов сорок две минуты. Карга ждет его к пяти, к семнадцати то есть, а до ее дома осталось максимум полторы минуты самым неспешным шагом. Погодка та еще, январь в самом сыром бесснежном, зато ветреном варианте, от прогулки никакой радости, но и приходить раньше времени неохота. Точность — вежливость королей. Мама всегда говорила: давать людям нужно то, что у тебя есть; денег нет на подарок — своими руками сделай, стишок сочини, картинку нарисуй; совсем ничего не умеешь — подари свое уважение. Правда, про связь между уважением к людям и умением обращаться со временем Матвей понял не сразу, мал еще был, когда мама впервые это сказала, но потом, по мере взросления, дотумкал, конечно. Хорошая у него мама, умная, хотя считается почему-то, что если продавщица в супермаркете, значит, отстой. Если честно, то Матвей и сам до определенного возраста так думал и даже немножко стеснялся отвечать, когда

спрашивали, кто у него родители. Отец таксует, мама за прилавком стоит. Сейчас, когда ему уже двадцать три, то и дело душу окатывает стыдом за те подростковые глупости. Нельзя ни стыдиться людей, ни гордиться ими, их можно только любить и уважать или не любить и не уважать, без вариантов. Если человек чего-то достиг, то это его собственная заслуга, а никак не твоя, и он, может, и имеет право чем-то там гордиться, а ты при чем? Достиг человек, добился, сумел, преодолел — умей порадоваться за него, поздравь. Сделал он гадость — пусть ему самому будет совестно, а ты можешь только посожалеть, что человек морально опустился. Вот старую каргу Матвей не любит, бесит она его, но — уважает, с этим не поспоришь. Кстати, с каргой его отец и свел, он же не просто таксист, он — водитель такси ВИП-класса, на работе в костюме и при галстукe, сорочки всегда свежие и наглаженные, ботинки сверкают. Дресс-код, понимать надо. Старую каргу отец как-то вез в аэропорт, путь неблизкий, разговорились, Светлана Валентиновна посетовала, что с интернетом у нее дома постоянные проблемы, говорят, нужно менять провайдера и ставить более продвинутый роутер, а ей это сложно, вот отец и предложил, мол, если хотите, я вам своего сына пришлю. Светлана Валентиновна это карга и есть, если кто не понял.

Интернет Матвей ей наладил, само собой, уж он-то отлично сечет фишку: в каком районе Москвы у какого провайдера оборудование

надежнее. Настроил роутер, усилители купил и по квартире распределил так, чтобы до всех углов и закоулков вайфай доставал.

— Я уже старенькая, — сказала ему в тот раз Карга Валентиновна, — здоровье частенько подводит, иногда по нескольку дней лежу или в постели, или на диване, не встаю, а мне работать нужно.

Работать! Это кем же таким она, интересно знать, работает, что ей прям круглые сутки и из любой позиции нужен доступ в интернет? Небось сериалы свои старушечьи смотрит целыми днями да светские сплетни читает. Когда Матвей был совсем маленьким, с ними жила отцова бабушка, Матвею, стало быть, прабабкой приходилась, так она как включала с утра телик — так до вечера и не выключала, все подряд смотрела: и новости, и мультики, и политику всякую, и кино, концерты, в общем, что показывали — то и смотрела.

Подозрения подтвердились, когда Карга попросила его навести порядок на ее компьютерном рабочем столе и вывести на экран иконки сайтов двух десятков телеканалов и десятка радиостанций. И это при том, что в квартире у нее три телевизора, он своими глазами видел: в гостиной, в спальне и на кухне. Обсмотришь, хоть в постели, хоть на диване, хоть за чаем с плюшками. Видя его насмешливое недоумение, Карга пояснила:

— Я не смотрю телевизор, у меня на это нет времени.

— А как же тогда...

— Я работаю, — женщина тонко улыбнулась, отчего ее испещренное глубокими морщинами лицо стало похоже на смятую бумажку. — Я не смотрю то, что показывают, я это изучаю. Разница понятна?

Матвей кивнул, хотя на самом деле не очень понимал. Но выглядеть дураком в глазах старухи не хотелось. По его мнению, в телевизоре показывали откровенный бред, перемежавшийся лажей и глупостями. Как можно это изучать? Для чего? Он решил, что старуха или прикидывается умной, или прикалывается, а может, у нее крыша съехала, лет-то до фига...

Когда уходил в тот самый первый раз, Светлана Валентиновна протянула ему деньги — хорошие, достойные, он и не рассчитывал, что его услуга будет оценена столь высоко, уверен был, что просто делает одолжение, бесплатное, ведь мама всегда учила, что старикам нужно обязательно помогать, даже если выходит в ущерб себе. Матвей деньги брать не хотел, но Карга настояла:

— Мне еще не раз понадобится твоя помощь, а если не будешь брать деньги — не стану к тебе обращаться.

Ну, раз так, то взял, конечно. Деньги лишними не бывают.

Шестнадцать пятьдесят три... В телефоне не поковыряешься, ветер холодный, снимешь перчатки — руки мгновенно заледенеют. Осталось семь минут. Что такое семь минут для

нормального человека? Да тьфу! Но не для Светланы. У нее вся жизнь чуть ли не по минутам расписана, как она сама говорит, «плотно упакована». Может, старуха сейчас как раз переодевается, она все делает очень медленно, думает, что у нее еще семь минут есть в запасе, а тут он явится, здрасьте вам, открывайте мне дверь со снятыми штанами. Ладно, подождет еще, пройдетя до угла и назад. Старуха ценит его пунктуальность, всегда хвалит, говорит, что по Матвею можно часы сверять, и почему-то от ее похвал у него делается теплее на сердце.

Вот уже почти три года он регулярно ездит к Карге Валентиновне, помогает таблицы составлять, списки какие-то бесконечные, графики и диаграммы рисовать.

— Давайте я вас научу, это же просто, — предложил он как-то. — Не будете от меня зависеть.

Если она не будет от него зависеть, то и зарработка от старухи ему не видать, Матвей это понимал, но он любил, чтобы все было почестному. Так мама с отцом воспитали. Он ни минуты не сомневался, что для Светланы Валентиновны освоить работу с нужными программами — раз плюнуть, у нее мозги пашут — дай бог каждому, недаром же столько регалий у нее, и научных трудов, ею написанных, целая полка.

— Мой юный друг, — ответила тогда Карга, — я уже в том возрасте, когда любое обучение протекает крайне медленно, а времени

у меня впереди очень и очень мало, и я не могу позволить себе тратить его на все подряд. Есть вещи, которые никто, кроме меня самой, не сделает, но во всем остальном я предпочитаю прибегать к посторонней помощи в целях экономии жалких остатков дней, которые мне осталось прожить.

Матвею при этих словах стало отчего-то грустно. Конечно, Светлана уже ветхая совсем, ей восемьдесят с большим гаком, и понятно, что в любой момент... Но жалко ужасно. И дело вовсе не в деньгах, которые она щедро платит за помощь. С ней интересно, она всегда сначала объясняет, какую таблицу или диаграмму они будут делать, а потом рассказывает и показывает: что получилось и к каким выводам привело. Ум у Карги Валентиновны цепкий, острый, слушать ее пояснения — одно удовольствие, и в какой-то момент Матвей поймал себя на том, что не только получает новые знания, но и непроизвольно транслирует их вовне, когда общается со своей тусовкой. Народ был в шоке, услышав от него кстати вставленную реплику о чередовании запроса на свободу, запроса на стабильность и запроса на справедливость. Больше всего Матвею нравилось, когда Светлана Валентиновна занималась статистикой дорожно-транспортных происшествий: ему как мужчине это было и понятно, и любопытно, а старушка-профессор не только цифрами сыпала, но и конкретные истории рассказывала, да такие порой,

что у него в горле першить начинало и глаза подозрительно почесывались.

Но бесила его Светлана до умопомрачения. Она все записывала. Вот прям все-все, даже кто когда и с какой целью ей позвонил, не говоря уж о подготовке к походам в магазины. Походу обычно предшествовала ревизия холодильника и кухонных шкафов: Карга смотрела и диктовала, Матвей послушно записывал. Потом Светлана Валентиновна садилась за стол и начинала составлять список покупок, сверяясь с результатами инвентаризации:

— Рис, — произносила она, закрыв глаза и делаясь похожей на спящую черепаху.

— Полпачки, — отвечал Матвей, глядя в записи.

— Пропускаем. Гречка.

— В пачке на доньшке.

— Записывай две пачки. Макароны.

— Вообще нет.

— Пиши: две упаковки. Йогурт.

— Один.

— Пиши: три, если сроки подходят, и шесть, если срок приличный.

Она всегда точно знала, какие продукты и сколько ей нужно на неделю, на две, на месяц, отвечала сразу, без подсчетов и раздумий. И вообще каждую минуточку берегла как зеницу ока.

— У меня старческий тремор, я уже не могу записывать от руки так же быстро, как в молодости, — объяснила она Матвею. — Если

я одна, то приходится управляться самостоятельно, но когда рядом кто-то есть — стараюсь пользоваться помощью. Время — это единственное, что имеет смысл экономить. Деньги можно заработать или получить, в наследство например, здоровье можно поправить при помощи медицины, и только время абсолютно неумолимо, мы над ним не властны, потратим впустую — другого уже не выдадут, и не одолжить его, и не украсть, и не купить.

Первое время Матвей удивлялся и задавался вопросом: как же Светлана справляется в другие дни, когда его нет? Со временем узнал, что к ней часто приходят какие-то люди, которых она коротко и невнятно называла «моими учениками». Наверное, студенты или аспиранты. Тоже, небось, сидят на кухне и продукты помогают переписывать. А вот в магазин за этими самыми продуктами старуха ходит сама. Списанием вооружится — и вперед. Самостоятельная, блин.

Страх что-нибудь забыть превратился у Карги Валентиновны в манию, и вся ее довольно просторная квартира была завалена толстыми ежедневниками, блокнотами в твердых переплетках, а все более или менее пригодные поверхности оклеены разноцветными квадратиками с напоминаниями.

Светлана Валентиновна Стеклова до сих пор руководила кафедрой в университете, имела две докторские ученые степени — по криминологии и по социальной психологии, причем не

по совокупности работ или научному докладу, а написала две полноценные диссертации, если считать вместе с кандидатской — то три. Ее преданность научным исследованиям и трудолюбие вызывали уважение; критичность и язвительность по отношению к себе восхищали Матвея; а вот вечный бардак в блокнотах, бумагах, бумажках и бумажонках — раздражал, порой до бешенства. И еще Матвея бесили бесконечные чаепития с тщательной сервировкой стола. Карга церемонно разливала собственноручно заваренный чай из красивого фарфорового чайничка в изящные фарфоровые чашечки, ставила на стол не только сахарницу, но и молочник, в который наливала сливки, и сухарницу, наполненную печеньем и всяким другим вкусеньким. В принципе Матвей не имел ничего против красоты стола, но ведь так долго все получается! Он-то отлично обошелся бы бумажным пакетиком, кипятком и обычной офисной кружкой, и сахар имеет ровно тот же вкус, если брать кубики прямо из коробки. Не поймешь эту Каргу, честное слово! То помогай ей записывать, потому что времени жалко, то тратит это самое время на церемониальные глупости с чаем, занимающие в общей сложности около получаса, когда можно было бы обойтись тремя минутами. Матвей привык иметь дело с компьютерами, и любая непоследовательность и нелогичность ставила его в тупик и заставляла злиться. Однажды он, не выдержав созерцания того, как Светлана Ва-

лентиновна священнодействует над сервировкой, предложил:

— Давайте я помогу.

— Ни за что, — отрезала Карга, и ему показалось, что она даже рассердилась. — Я сама.

— А как же время, которое вы так старательно экономите? — поддел ее Матвей. — Я в сто раз быстрее управлюсь.

Она не ответила, продолжая мелкими шажками передвигаться по кухне, и чашка в ее дрожащей морщинистой руке, покрытой пигментными пятнами, противно дребезжала на блюдечке, а светлая поверхность рабочего стола пестрела темными точками чайнок, просыпанных мимо заварочного чайника. Вот поди пойми этих старух!

Шестнадцать пятьдесят восемь... Пора двигаться, еще двадцать метров до арки, потом во двор, и в домофон Матвей позвонит ровно в семнадцать ноль-ноль.

У подъезда стояла белая машина «Скорой помощи» и еще одна, при виде которой у Матвея болезненно екнуло сердце. Знал он эти машины, доводилось сталкиваться, когда прабабушка умерла, и потом еще пару раз случалось. И ведь знал, все это время знал, что Светлана Валентиновна старая и больная, а все равно в первый момент подумал, что беда у кого-то из ее соседей, не у нее, не с ней.

Дверь подъезда открылась — он даже прикоснуться к домофону не успел. Крепкие мужички вынесли носилки с телом, упакован-

ным в мешок, за ними — врач и фельдшер со «Скорой», в синей униформе, следом вышли еще двое, молодые, по виду — на несколько лет старше самого Матвея. Одного из них Матвей узнал, встретил как-то у Светланы; они с Каргой очередные графики рисовали, а этот, с усами и аккуратной бородкой, какую-то папку принес и сразу ушел, даже раздеваться не стал. Бородатый глянул на Матвея, вроде и не узнал, потом остановился.

— Ты Матвей?

— Ага.

— Видишь как... — он беспомощно развел руками.

— Как?! Ну как?!

Матвей почти кричал, с трудом подавляя желание схватить бородатого за воротник куртки и тут же придушить. Господи, как будто этот тип в чем-то виноват...

Ну как же так?! Почему?! От отчаяния Матвею хотелось расплакаться. Ведь только сегодня утром, часов в одиннадцать, Карга позвонила ему, пожаловалась, что ноутбук все время зависает и невозможно ничего загрузить, а она приболела, плохо себя чувствует, за стационарным компьютером сидеть не может, второй день лежит, и без ноутбука ей никак нельзя. Матвей вызвался приехать сразу же, но она сказала, что сейчас не надо, в час придут ее ученики, освободится она часам к четырем, поэтому договорились на пять, чтоб уж наверняка. Ученики, бородатый и тот, второй, пришли, а через

полчаса в панике начали вызывать «Скорую». Врачи очень старались, но помочь не смогли. И вот все закончилось.

Так быстро все случилось — Матвей даже попрощаться не успел со Светланой. Неужели она и на своей смерти время сэкономила? Вот ведь...

Каменская

Бурный финал, мощные повторяющиеся оркестровые аккорды.

— Как видим, ничем хорошим эта романтическая история не кончилась, — произнесла с улыбкой Анастасия Каменская. — Какие у вас будут варианты?

Учащиеся детской музыкальной школы сидели за столами, составленными в виде буквы П, а Настя находилась в пространстве между ножками этой буквы, которое она про себя называла «патио», внутренним двориком. Ну а что? Похоже, просто один в один. Шестой класс, урок музыкальной литературы. Штатный преподаватель сидит здесь же, у рояля, наблюдает, чтобы педагог-волонтер учила подростков правильно. Тому, чему нужно. Ну и вообще...

Первой подняла руку хорошенькая девочка в модных очках. Если Настя правильно помнит, класс виолончели.

— Он ее убил, да?

— А может, не он ее, а она его, — тут же возмутился паренек-пианист.

■ Этот мальчик на занятиях у Насти был са-

мым активным и, как ей показалось, лучше и быстрее других улавливал смысл того, что она пыталась им показать. Может, он и не станет великим исполнителем, концертирующим по всему миру, но с аналитическим мышлением у него совершенно точно полный порядок.

— Она со скалы в море бросилась, — подала голос другая девочка, тоже пианистка.

— Или он, а не она, — не уступал паренек. — Почему у вас вечно получается, что если она, то обязательно жертва, а он всегда негодяй? Разве наоборот не бывает?

Штатный преподаватель по имени Лариса Петровна, пожилая седая дама, с трудом подавила смех.

— Других версий нет? — спросила Настя, стараясь сохранять серьезную мину. — Тогда давайте разбираться, кто у нас все-таки умер в финале.

— А как? — спросили ученики почти хором.

— Будем смотреть, кто из двоих сильнее, кто слабее, кто мягкий, а кто агрессивный. Помните то место, где наши герои выясняют отношения?

Судя по выражениям лиц, не больше половины будущих музыкантов понимали, о чем идет речь.

— Вадик Малков, — послышался голос Ларисы Петровны, — говори, я же вижу, что ты помнишь.

Вадик Малков, тот самый толковый мальчик-пианист. У Ларисы Петровны он тоже

ходит в отличниках. И даже, наверное, в любимчиках.

Фортепианный концерт Сен-Санса слушали с компьютера, к которому подключены хорошие динамики, но у каждого ведь есть свой телефон или айпад. Вадик быстро нашел в «Ютубе» нужное произведение и после нескольких неудачных попыток отыскал то место в третьей части концерта, которое, по его мнению, походило на диалог, именуемый выяснением отношений.

— Это?

— Совершенно верно, — кивнула Настя. — Итак, мы тебя слушаем. Какие есть идеи?

— Пусть дети еще раз послушают, — вмешалась Лариса Петровна. — Не у всех такая хорошая музыкальная память, как у Малкова.

— Конечно.

Настя включила фрагмент концерта на компьютере. На лице способного мальчика Вадика в первый момент промелькнуло торжество, почти сразу же сменившееся растерянностью: его трактовка не выдерживала никакой критики.

— Нижняя партия сердится, а верхняя оправдывается, — раздался чей-то голос.

— Не, не оправдывается, а успокаивает...

— Да, точно!

— Или нижняя угрожает и требует, и верхняя просит сжалиться!

— Нижняя точно дядька, здоровенный такой, с басом! Бычок-качок.

Ребята вдруг заговорили наперебой, и Настя

поняла, что цель достигнута: каждый из них отчетливо представил, о чем шла речь.

— Ага, здоровенный и злой, он рассердился и грохнул свою возлюбленную!

— А может, он не ее грохнул, а себя, — продолжал сопротивляться Вадик Малков.

Кажется, ему очень хочется сделать из мужчины жертву...

Лариса Петровна выразительно поднесла к глазам руку с часами и посмотрела на Настю. Время урока истекало, пора закругляться.

— Вы пустите меня еще раз в эту группу? — тихо спросила Настя у преподавателя.

— С удовольствием, — улыбнулась Лариса Петровна.

— Значит, я могу дать им домашнее задание?

— Разумеется.

Настя снова вышла во «внутренний дворик» и подняла руку.

— На сегодня мы закончили. Если вам интересно то, чем мы сегодня занимались, то попрошу вас дома еще раз внимательно послушать концерт и подумать, что же все-таки случилось в финале. Юноша убил свою любимую девушку? Или покончил с собой? Или произошло нечто совсем иное?

— И творческую биографию Сен-Санса выучите как следует, — громко добавила Лариса Петровна. — Буду спрашивать. По Франции девятнадцатого века в следующий раз будет последний урок, потом начинаем немецких ро-

мантиков, перечень обязательных к прослушиванию произведений посмотрите в методичке.

Юные музыканты мгновенно превратились в самых обычных школяров, радующихся окончанию урока и с шумом и смехом вываливающихся из класса. Настя тоже собралась уходить, но Лариса Петровна ее остановила.

— Анастасия Павловна, задержитесь на пару минут, — произнесла она неожиданно сухим тоном.

Так, понятно. Настя что-то сделала неправильно, и сейчас ее попросят больше не приходить в музыкальную школу. Конечно, не катастрофа, занятия она ведет бесплатно, без всякого договора, всего лишь с милостивого разрешения учебной части, так что заработка не потеряет, но очень неудобно перед Зоей Печерниковой, когда-то учившейся в этой школе, и ее другом-аккомпаниатором, который работает здесь штатным концертмейстером. Они оба так уговаривали сначала Настю, потом руководство школы...

— Вы провели блестящий урок, — начала Лариса Петровна. Говорила она строго, но, как показалось Насте, уже чуть мягче. — Но на вашем месте я была бы осмотрительнее.

— Осмотрительнее в чем?

— В формулировании домашнего задания.

— А что с ним не так? Слишком объемно? Слишком сложно? Или что?

Лариса Петровна с досадой махнула рукой и аккуратно закрыла крышку рояля.

— Это дети, Анастасия Павловна. Ну как же вы не понимаете? Они еще так мало знают, и в особенности о смерти, убийстве, суициде. Вам с высоты вашего жизненного опыта и, простите, вашей прошлой работы кажется, что можно послушать и сразу во всем разобраться. Но им-то! Они полезут в интернет и начнут читать и смотреть всякие ужасы про трупы, про убитых, про самоубийц. И знаете, что будет потом?

Настя пожала плечами. Откуда ей знать? Она впервые в жизни ведет занятия с подростками.

— А потом их родители прибегут к нашему директору с вытаращенными глазами и будут грозить судом за то, что мы заставляем их деток изучать в интернете материалы, не предназначенные для нежного возраста, вот что будет! Еще и журналистов подключат, а то и сразу с полицией явятся.

— Неужели все так ужасно? — удивилась Настя. — Конечно, я в курсе про маркировки «двенадцать плюс», «четырнадцать плюс» и все такое, но мы же здесь говорим об искусстве, о музыке... Детям ведь не запрещают смотреть «Лебединое озеро», а там в финале самое настоящее убийство, Зигфрид убивает Ротбарта, и ничего.

Лариса Петровна вздохнула и мягко улыбнулась Настиному непониманию.

— Я в полной мере разделяю вашу позицию, Анастасия Павловна, дорогая, но не забывайте, что школа, любая школа, имеет дело не только

с детьми, но и с их родителями. Воспитывать детей — величайший труд, на который способен далеко не каждый родитель, а иметь такого ребенка, который отвечал бы твоим мечтам и чаяниям, хотят все без исключения. Поэтому, как только с дитяtkом что-то не так, — сразу начинают искать виноватого. И первыми на очереди стоят школа, учителя, педагоги. Себя никто винить не хочет. Добрая половина родителей, если не больше, следит за тем, что ребенок ищет, смотрит и читает в интернете. И через плечо заглядывают, и историю поисков просматривают. Увидят, что подросток заинтересовался убийствами и суицидами, — сразу в панику: «Почему?! Зачем?!» Подросток честно ответит, что в музыкалке задали. И очень повезет нам с вами, если родитель попытается хотя бы вникнуть в суть задания, но надеяться на это не стоит. С вероятностью девяносто девять с половиной процентов нам всем будут грозить неприятности с полицией, прокуратурой, судами и Роспотребнадзором.

— Я поняла, — виновато пробормотала Настя. — Извините, Лариса Петровна, я об этом не подумала. Моя ошибка. Впредь буду осторожнее, обещаю. Если меня вообще не попросят отсюда после сегодняшнего.

Лариса Петровна в утешительном жесте накрыла Настину руку сухой сильной ладонью.

— Если что — буду вас защищать, как сумею.

— Да что я? — в Настинем голосе зазвучало отчаяние. — Пришла и ушла. А вот перед Ана-

толием Марковичем неудобно, он за меня ходатайствовал, на него все шишки посыплются. И Зою я подвела, выходит, и его.

— Ну, пока еще не подвели, а только, может быть, подведете, — заметила преподаватель музлитературы. — Может быть! Но может и не быть. Во всяком случае, я вас предупредила, и теперь вы станете аккуратнее. Ведь станете?

— Стану, — твердо пообещала Настя.

— А за Зоеньку не волнуйтесь, с нее такого рода неприятности — как с гуся вода, она и в детстве такой была, я ведь ее хорошо помню, — Лариса Петровна тепло и широко улыбнулась. — Очень трудолюбивая девочка с неплохой техникой, но совершенно не умела выражать или передавать чувства. На исполнительской карьере это сразу ставит жирный крест, зато в обычной жизни очень выручает. Ее ругают — а она стоит столбом, ни страха, ни обиды, ни раскаяния — ничего. Такую девочку даже бранить неинтересно, все сразу остывали и умолкали. Подозреваю, что внутри у нее бушевали ураганы, но наружу ни капли не просачивалось. Она и сейчас такая? Не изменилась?

— Совершенно не изменилась, — кивнула Настя. — Молчаливая и закрытая.

Эх, ей бы самой стать такой, как Зоя Печерникова! Чтобы «плюнь в глаза — Божья роса». Невозмутимой. Не делающей трагедии из критического замечания. Но нет, не сложилось.

Настя вышла из школы, села в машину, но, прежде чем ехать, позвонила Зое.

— Не переживайте, — спокойно ответила Печерникова. — Даже если все будет, как Лариса предрекает, это не катастрофа. Маркович и не такое пережил, он еще при советской власти за диссидентство пострадал. А обо мне вообще речи нет.

— Ну как же нет, Зоя? Вы обо мне рассказали Анатолию Марковичу, и если у него из-за меня будут проблемы, то...

— Выбросьте из головы, — коротко и решительно произнесла Зоя. — Я с Марковичем играю со школьных лет, он еще в те годы был единственным, кто мог долго выносить мою игру на скрипке и не беситься. Он мой друг и останется им, что бы ни случилось.

— Мне так неловко... Простите меня.

— Выбросьте из головы, — повторила Зоя.

Насте стало немножко легче, но настроение все равно испортилось. А ведь только сегодня утром все было таким радужным! Стасов отпустил ее на год, на целый длинный прекрасный год, в течение которого Анастасия Каменская собиралась заниматься тем, что ей нравится. Впервые в жизни! Для приработка — читать лекции по судебной статистике, для души — заниматься анализом музыкальных произведений в разных исполнениях. Все складывалось как нельзя лучше: ее, кандидата юридических наук, с удовольствием взяли по трудовому договору вести занятия на курсах повышения квалификации в Правовой академии, а коллега по работе в детективном агентстве, Зоя, рассказала

о Настином увлечении своему аккомпаниатору Анатолию Марковичу, который загорелся идеей предложить музыкальной школе, в которой работал, некоторое разнообразие в преподавании. Предстоящий год обещал быть просто чудесным! Восхитительным! И из этого великолепно-го года прошел всего один месяц, а сколько разных замечательных вещей еще ждет ее впереди!

Одним словом, Настя Каменская была абсолютно счастлива каждый день на протяжении всего последнего месяца. И ей очень хотелось верить, что следующие одиннадцать месяцев окажутся не хуже, а возможно, даже и лучше.

Однако ж вот... «Не имела опыта воспитания собственных детей — нечего было лезть к чужим», — сердито думала Настя. И ведь нельзя сказать, что она в свои пятьдесят девять лет совсем уж оторвана от подросткового мира, во всяком случае, знала о скандалах с сайтами, на которых размещалась информация о разных способах свести счеты с жизнью и которые активно посещали несовершеннолетние. Но разве человек в здравом уме свяжет истории этих скандалов с классической музыкой? Тот и оно. Наверное, ум родителя устроен как-то иначе, а Настя этого не учла, хотя должна была бы, все-таки не первый день на свете живет, много чего повидала. «Ну и фиг с ним, — она внезапно развеселилась. — Ошибки — это тоже опыт, будем его извлекать и становиться мудрее. Выпрут из музыкалки — значит, это совсем не мое. Значит, так и надо».

Она собралась было остановиться у магазина с хорошей кулинарией, чтобы купить готовой еды на два дня, но вовремя одумалась. За лекции по судебной статистике платили куда меньше, чем она зарабатывала в агентстве у Стасова, и Настя еще месяц назад поставила перед собой задачу научиться в целях экономии сносно готовить из дешевых продуктов. Пришла пора отказываться от дорогостоящих привычек. Разница в стоимости между готовыми котлетами и домашними выглядела вроде бы малосущественной, но если позволять себе кулинарию почти каждый день, то за месяц выходило довольно ощутимо. Конечно, когда работаешь с утра до поздней ночи и зачастую в выходные, то время на тот же винегрет выкроить непросто: пока все сварить, особенно свеклу, да пока все остынет, потом резать мелкими кубиками... Вполне простительно при таких раскладах купить готовые порции и не париться. Но теперь-то времени у Насти достаточно, так что не надо жалобных песен.

Проехав мимо кулинарии, она свернула на перекрестке, выбралась на транспортное кольцо и направилась в «Ашан». Чем крупнее гипермаркет и чем дальше он от центра столицы, тем ниже цены. Теперь приходится тратить куда больше времени и на дорогу, и на покупку продуктов, и на готовку, зато выходит дешевле даже с учетом затрат на бензин. Наверное, это и называется «время — деньги». Обратной пропорциональной зависимости.

Войдя в огромный торговый зал, Настя глубоко вдохнула и резко выдохнула, словно избавляясь от неприятного осадка, оставшегося после разговора с Ларисой Петровной. Что у нее сегодня в плане? Давно известно, что вкусным можно сделать любой продукт, если владеть искусством создания соуса, это основа знаменитой французской кухни. А соус — это травы и приправы, они недороги и расходуются малыми количествами. Из самых дешевых макаронных изделий и круп можно делать множество вкуснейших сытных блюд, если использовать разнообразные соусы, которым Настя Каменская и запланировала посвятить текущую неделю. Она вытащила телефон, просмотрела заметки, которые составила накануне, изучая в интернете огромное количество рецептов, освежила в памяти перечень необходимых продуктов и двинулась в направлении нужных стэндов. «И еще шоколадку куплю. С орехами и клюквой», — весело подумала она.

Зарубин

Если рабочий день начинается с вызова к руководству — добра не жди. В этом Сергей Кузьмич Зарубин убедился еще в те давние годы, когда бегал по «земле» простым опером. Сейчас-то он уже давно не рядовой сыщик, а заместитель начальника «убойного» отдела на Петровке, но закономерность все равно подтверждалась из года в год и из раза в раз.

Начальник МУРа генерал Большаков выглядел не то чтобы расстроенным или сердитым, скорее озабоченным, и Зарубин с облегчением подумал: «Значит, не втыкать будет, а всего лишь давать указания. Уже легче».

— У меня, Сергей Кузьмич, для тебя две новости, одна хуже другой. С какой начать? — задумчиво проговорил генерал.

— Давайте с той, которая совсем плохая, — мужественно ответил Зарубин. — Судя по тому, что вы вызвали меня, а не Глазова, хотя он на месте, наши дела — полный швах?

Глазов был начальником отдела и не пользовался любовью ни своих подчиненных, ни генерала, предпочитавшего сложные и деликатные вопросы по возможности решать с его заместителем, которого давно знал и которому безоговорочно доверял.

— Пока швах не полный, — скупно улыбнулся Большаков, — но все к тому идет. Глазов вчера вечером привез запрос на свое личное дело. Утром отправили. Думаю, вопрос проработан давно, так что слишком долго его дело изучать не будут, решение уже принято. Если я прав, то сегодня к концу дня твой начальник напишет рапорт о назначении на должность на новом месте службы, а завтра, самое позднее — послезавтра будет приказ об откомандировании. Глазов, поди, уже вещи собирает, освобождает кабинет.

— Побегали крысы... — вздохнул Зарубин. — Только успели объявить о том, что пра-

вительство уходит в отставку, а этот уже подсу-
етился. И кого приведут на его место? Вы уже
знаете? Какого-нибудь козла, которого срочно
нужно пристроить? Это и есть плохая новость?

— Плохая новость в том, Сергей Кузьмич,
что готовой кандидатуры пока нет, все слиш-
ком быстро случилось, и я собираюсь под-
писать приказ о назначении тебя временно
исполняющим обязанности начальника отде-
ла. Официально Глазов, конечно, все еще на
должности, но из этого кабинета ты выйдешь
уже фактически не замом, а руководителем.
Вот теперь можешь плакать, я тебя пойму.

— Константин Георгиевич! — с ужасом вос-
кликнул Зарубин. — Ну за что?

— Потерпи, Сергей Кузьмич, — строго про-
изнес генерал. — Надо. Теперь вторая новость,
еще хуже прежней.

— Ну, добивайте уже.

— Ты сводку за сутки смотрел?

— Не успел еще.

— А я успел. Но врать не стану, до свод-
ки руки не дошли бы, если бы мне с самого
раннего утра из министерства не позвонили.
У одного очень богатого и влиятельного папы,
депутата по фамилии Чекчурин, убили сына.
Папа — лицо, приближенное к власти, задей-
ствовал все свои связи и возможности, чтобы
дело поручили самым лучшим оперативникам
и следователям. Короче, все как всегда.

— Но это же уровень округа, — удивился За-
рубин. — Обычное убийство. С какого перепугу

нам подключаться? Этот потерпевший что, известная личность? Звездный певец или актер? Великий ученый?

— Оболтус двадцати восьми лет от роду, прожигал жизнь в клубах и на тусовках, работал в каком-то офисе в одной из компаний, принадлежащих папе. Носителем государственной тайны не являлся, объектом всенародной любви — тоже.

— Тогда я вообще не понимаю...

— Сейчас поймешь. На трупе обнаружена записка: «Моему Учителю». Слово «учитель» написано с прописной буквы.

— Ох ты ж елки! — с отчаянием выдохнул Сергей. — Жертвоприношение, что ли? Сатанисты какие-нибудь? Вот только этого на мою бедную голову сейчас не хватало!

— Может, жертвоприношение, может, посвящение, но разбираться придется вам. При таких раскладах дело с территории полагается забирать.

— А как убили-то?

— Перелом шейных позвонков.

— Ну, это сужает круг подозреваемых. Хоть что-то.

— Надеюсь, — кивнул Константин Георгиевич. — Из министерства пришла команда шума пока не поднимать, чтобы в СМИ не просочилось, не нужно народ пугать. Информация о записке в сводку не попала, ума хватило. Отцу потерпевшего тоже пока не говорили, а то ведь болтать начнет, а подписку о неразглаше-

нии с него не возьмешь. Пусть думает, что это его звонки в министерство так подействовали и дело передали нам. С этой минуты ты — начальник, иди командуй. И каждый день докладывай мне утром и вечером.

Зарубин обреченно кивнул и встал. Он успел сделать всего два шага в сторону двери, когда генерал окликнул его:

— Сергей Кузьмич! Что ты решил?

Вопрос был не сформулирован, но совершенно понятен, поэтому ответ последовал без промедления:

— Подполковник Сташис и капитан Дзюба. Не возражаете, товарищ генерал?

— Ты — начальник, тебе и решать. Но выбор, безусловно, одобряю.

Еще бы Большой не одобрил! Антоха Сташис и Ромчик Дзюба — его любимчики. Об этом почти никто не знает, но Сергей Кузьмич Зарубин знал. Грош была бы ему цена, если бы он чего-то не знал о своих подчиненных. Ромка женится, в феврале свадьба, надо бы парню денег подкинуть...

— Константин Георгиевич, коль я теперь большой босс, могу я написать представление на материальное поощрение Дзюбы за успешные раскрытия в истекшем году?

— Давай, — кивнул Большаков. — Я напишу. Только не затягивай, положение сейчас у всех шаткое, с министром ничего не понятно пока, так что меня и каждого, кто повыше, могут свалить в любую минуту.

«Так я и чуял, так я и чуял, так я и чуял», — ритмично бормотал Зарубин себе под нос, возвращаясь из кабинета генерала в отдел. Не заходя в свой кабинет, заглянул к Глазову. Большой предсказал безошибочно: Глазов перекладывал пожитки из сейфа и стола в большие коробки. Лицо его сияло радостным предвкушением: долой старые надоевшие заботы, начинается новое приключение! Сергей поймал себя на мысли, что ему даже не интересно, в какой сфере и на каком уровне состоится это приключение. Не хотелось ни о чем спрашивать этого «пока еще начальника», но доложиться он обязан, иначе Глазов, если вдруг разобидится, может и дров наломать. Например, пользуясь своим официальным статусом «пока еще», отменить решение заместителя о поручении работы по новому трупу Сташису и Дзюбе. Через два-три дня, когда состоится приказ, Сергей все равно сделает по-своему, это понятно, но первые сутки всегда решающие, и очень не хотелось бы, чтобы в это время по делу работали другие опера, не такие профессиональные и дотошные, как Антон и Ромка. Все-таки не просто так Большой ценит этих ребят, а сам Зарубин их поддерживает и, если надо, прикрывает.

— Ты б хоть предупредил заранее, что уходишь, — вполне дружелюбно сказал Сергей, кивнув на коробку, в которую Глазов в этот момент складывал снятые со стен дипломы и грамоты в рамочках. — А то генерал вызвал

с самого утра — и как гром среди ясного неба, буду теперь исполнять твои обязанности. Временно.

— А вот это зря, — поучительно ответил Глазов. — Не надо было соглашаться. Хотя тебя, наверное, и не спрашивали, они там сами все за всех решают. Валить тебе надо отсюда, куда варягов не нагнали, бери с меня пример.

— Возьму, — миролюбиво согласился Зарубин. — Ты как, уже сегодня нас покинешь или поруководишь пока денек-другой?

— Нет уж, уволь, Кузьмич, вопрос решен, новый кабинет меня ждет. Приказ — чистая формальность, я им рапорт еще вчера написал.

— Так дело вроде только сегодня утром отравили, — Зарубин не смог скрыть ехидства. — Ты не поторопился?

— Да брось, Кузьмич, все свои, — Глазов небрежно махнул рукой и принялся вынимать из сейфа и аккуратно расставлять между вещами в коробках початые и полные бутылки водки, коньяка и виски.

«Крохобор, — насмешливо подумал Зарубин. — Мог бы и оставить, хотя бы те, которые уже открыты. Мы бы с ребятами выпили вечером по радостному поводу».

— Ну ясно. Дату в рапорте не вчерашнюю поставил, а сегодняшнюю? Вроде как с утречка личное дело изучили и выразили высокое согласие. А тут и ты подъехал, рапорт накатал — и в приказ. Так? Приказ-то, поди, уже к вечеру и подпишут.

Глазов поморщился, было видно, что ему не очень приятно, но, с другой стороны, мнение заместителя его теперь волновать не должно.

— Не ерничай, Кузьмич, и не стой над душой. Иди начинай руководить коллективом.

— Так на меня приказа пока нет, — хитро улыбнулся Зарубин. — Прав таких не имею, чтоб начальника из себя изображать. Ты уж распорядись, сделай милость, у нас тут труп образовался...

— Сам решай, — огрызнулся Глазов. — Всё. Это больше не моя поляна.

— Как скажешь.

Собственно, что и требовалось получить в итоге. Вполне удовлетворенный результатом разговора, Сергей Кузьмич Зарубин вернулся к себе и вызвал подполковника Сташиса и капитана Дзюбу.

Сташис

— Вот и новогодние подарочки посыпались, — удрученно констатировал Антон Сташис, когда дверь кабинета закрылась за сотрудниками криминальной полиции Юго-Западного окружного управления внутренних дел. Именно на их территории был обнаружен труп двадцативосьмилетнего Леонида Чекчурина.

— Да уж, — согласно кивнул Зарубин и горестно вздохнул. — Мало нам вчерашней отставки правительства, так теперь еще ученики неизвестного Учителя нарисовались до кучи.

Опера на территории сработали четко, хотя чудес не совершили. Труп гражданина Чекчурина обнаружен около двух часов ночи в месте достаточно безлюдном, чтобы при осмотре обойтись без толпы любопытных и — главное — снимающих на телефон. Место оцепили, но кое-какой народец все-таки подвалил, к счастью, весьма немногочисленный. И большая удача, что записку нашел в кармане куртки при осмотре трупа дежурный судмедэксперт, который не стал размахивать находкой и громогласно зачитывать текст, а продолжал методично и вполголоса диктовать результаты осмотра. Следователь, молодой парнишка, тоже никаких бурных эмоций не выразил, но не оттого, что был опытен и предусмотрителен, а просто потому, что ужасно устал: на время новогодних каникул ему ни разу не выпало дежурить, он с чистой совестью полетел с женой на десять дней в горы кататься на лыжах, обратный рейс из-за погодных условий задержали почти на двое суток, которые пришлось провести черт знает как и черт знает в каких условиях, ну а за опоздание на службу, хоть и по уважительной причине, ему и впаляли дежурство сразу же по прибытии, не дав ни помыться с дороги, ни выспаться. Какие уж тут эмоции! Глаза бы удерживать открытыми...

Выяснять, о каком таком Учителе может идти речь, придется теперь Сташису и Дзюбе вместе с операми из округа.

— Идеи есть? — спросил Антон.

— Ну, как меня учила Анастасия Павловна, надо применять двоичный метод. Все, что можно, делить на две категории, тогда легче группировать факты и делать выводы, — отозвался Дзюба.

— Ну, применяй. У тебя с фантазией всегда хорошо было. А я уж, так и быть, поработаю твоим секретарем. Ты вещай, я буду записывать.

— Смеяться не будешь? — улыбнулся Роман.

— Да уж не до смеха тут... Давай, излагай.

— Ладно. Первая группа: преступление действительно связано с каким-то Учителем. Вторая группа: преступление совершено по иным мотивам.

— А записка?

— Просто так, для отвода глаз, чтобы запутать следствие. Эту группу тоже делим на две части. Первая: преступник весьма умен, изобретателен и расчетлив. Вторая: он ничего не рассчитывал и особым умом не обладает, действовал от балды. Может, в книжке какой-то прочитал о чем-то похожем или в кино видел. Наличие записки может говорить о том, что убийство совершено не под влиянием внезапно возникшего побуждения, ссоры или оскорбления, ну, ты понимаешь. К преступлению готовились, его обдумывали заранее. Но это «заранее» может оказаться разной величины, от недель и месяцев до получаса. С другой стороны, идея записки могла прийти в голову как загодя, так и вообще уже после убийства. По-

этому первую подгруппу из второй основной группы разделяем на...

Антон не был готов к тому, что рассуждения и деление на группы начнут разветвляться с такой скоростью, поэтому изначально расположил текст так, что рисовать стрелки и вписывать новые вводные оказалось некуда. Досадливо поморщившись, он скомкал листок, бросил его в корзину для мусора и начал заново.

— Ромка, не части, я не успеваю, — проворчал он, прикидывая, как лучше записать первые две фразы, чтобы потом было удобнее.

Примерно через час стол подполковника Сташиса оказался полностью накрыт разрозненными листками, кое-как скрепленными прозрачным скотчем.

— Н-да... — ошарашенно протянул Антон. — Фантазия у тебя...

— Ты обещал не смеяться, — настороженно напомнил ему Дзюба.

— Да разве ж я смеюсь? Я рыдаю и тихо восхищаюсь. Больше половины того, что ты тут наговорил, мне бы и в голову не пришло, честно. Несвоевременный ты человек, Ромка, поторопился родиться. В нынешние времена твои мозги не сумеют эффективно использовать.

— Может, не поторопился, а, наоборот, опоздал?

— Да это вряд ли, при советской власти тебе бы применения тоже не нашлось. Там неприкасаемых была целая куча и телефонное право цвело пышным цветом, из твоих двадцати вер-

сий хорошо если одну разрешили бы отработать.

— Ой, можно подумать, сейчас не так! — фыркнул Роман.

— Это верно, — согласился Сташис. — Сейчас тоже так. Но есть разница. Раньше вопрос можно было замарафетить по-тихому: вообще ни одна душа не узнает, кроме двух-трех самых доверенных. А теперь интернет, скорость распространения информации такая, что в прежние времена и не снилась никому. Желающих скрыть информацию или соврать по-прежнему огромное количество, а вот возможностей-то у них сильно поубавилось. Никак они, бедненькие, не привыкнут, что все и о каждом становится известно в мгновение ока. Ладно, нечего попусту рассуждать, иди подбивай концы по делам, а я буду план писать на основании вот этого всего. Большой велел Кузьмичу до обеда представить, а у Кузьмича, сто пудов, замечания будут, еще пару раз переделывать придется.

— Иду, подбиваю.

Роман изобразил послушность приказу, открыл сейф, достал несколько папок, сложил на свой стол. Идти было недалеко, ровно полтора шага. Капитан Дзюба искренне считал, что в его жизни случились три главные удачи. Первая: он встретил Дуняшу. Вторая: судьба столкнула его с Антоном Сташисом, благодаря чему Роман оказался на Петровке, в МУРе. ■ И третья: они с Антоном делят один кабинет на

двоих. Эта третья удача казалась, на сторонний взгляд, маленькой и смешной. Только тот, кто служил в уголовном розыске, может по достоинству оценить этот факт, ибо такой человек знает, как много значит возможность доверять тому, кто сидит за соседним столом.

Инга. За год до событий

Участок был в самом конце старой части кладбища, из так называемого бесхоза: если за могилой никто не ухаживает несколько десятков лет, участок считается ничьим, очищается и отдается под новое захоронение. «Я буду ухаживать и приводить все в порядок, пока жива, а что потом? — горестно думала Инга, пробираясь узкими проходами между оградками. — Он никому не нужен, кроме меня, о нем, наверное, и не вспоминает никто. Детей нет, бывшая жена счастлива в новой семье. Пройдут годы, и участок снова станет «бесхозом», и там опять похоронят кого-то другого...»

Эти мысли приходили к ней каждый раз, когда она приезжала сюда. И каждый раз вызвали спазм в горле и накипающие слезы.

Вот и могильный холмик, сиротливо-убогий среди каменных надгробий, окаймленных чугунными оградками. После похорон прошло несколько месяцев, венки давно убрали, цветы, которые Инга принесла в прошлый раз, неделю назад, завяли, потемнели на морозе и смотрелись некрасивым грязным пятном. Скорей бы

памятник сделать... Должен пройти год, чтобы земля осела, раньше ставить нельзя. Да и на какие деньги? Похоронили за счет государства, у них так положено, а больше никто ничего оплачивать не собирается. Считается, что это забота семьи. А если семьи нет, тогда как?

Поставив рюкзак на сколоченную наспех деревянную скамеечку, Инга вытащила пакет для мусора, полуторалитровую пластиковую бутылку с водой, совок, резиновые перчатки и аккуратные чистые тряпочки. Подсобка далеко, за водой ходить долго, проще принести с собой. Если бы памятник или хотя бы простое надгробие — тогда да, воды нужно много, чтобы все помыть и привести в порядок, а здесь-то пока только крест, табличка с именем и датами да фотография. «Игорь Андреевич Выходцев, 14.03.1975–19.08.2018». Фотографию надо бы принести новую, эта, оставшаяся еще с похорон, испорчена осенними дождями и мокрым декабрьским снежком. Инга убрала завядшие цветы в пакет, протерла крест и табличку сначала мокрой тряпкой, потом сухой, прошлась совком вокруг могилы, убирая мусор. Толку, конечно, не много, но все-таки вид поприличнее. Сняла перчатки, сунула их в пакет с мусором, положила на холмик свежий букет, который любовно собирала сегодня утром в цветочном магазине. Собирала сама, продавщице не доверила. В траурных букетах количество цветков должно быть четным, но Инга не хотела ни сочувственных, ни удивленных взглядов, по-

этому букет покупала обычный, а потом один цветок просто вынимала и уносила домой. Это превратилось в своеобразный ритуал: прибрать могилку, положить букет, посидеть на скамеечке, поговорить с Игорем, забрать один цветок и уходить.

«Дорогая моя девочка, мне нечего оставить тебе, кроме этих записок. Ты знаешь мои обстоятельства: все накопленные деньги ушли на лечение, на бессмысленные попытки выжить. Когда деньги закончились, а жизнь, к сожалению, еще продолжалась, мне финансово помогала бывшая жена, вернее, ее новый муж. Спасибо им от всей души, они добрые и благородные люди, и я не могу уйти, не расплатившись с ними, поэтому квартиру я оставляю им. Ты, наверное, видела, как ко мне приходил нотариус, но у тебя хватило такта и выдержки не задавать вопросов. Милая моя девочка, ты так самоотверженно ухаживала за мной, ты делала больше, чем была обязана, ты всю душу вкладывала в то, чтобы облегчить мои физические страдания. Наверное, ты даже немножко любила меня, правда? Совсем чуточку. Совсем легонько...

У меня нет возможности отблагодарить тебя чем-то материальным. Но я могу сделать по крайней мере одну вещь.

Хочу попытаться объяснить тебе, каков я на самом деле. Если ты так много делаешь для меня, значит, я тебе нравлюсь, ты испытываешь ко мне симпатию, ты расположена ко мне. Наверное, я кажусь тебе добрым человеком, ум-

ным и даже мудрым, умеющим прощать и принимать, а ты, насмотревшаяся за свою жизнь на онкологических больных, отлично знаешь, как тяжело бывает людям смириться с неизбежной близкой смертью и как по-разному они себя ведут. Ты сталкивалась и со злостью, и с раздражительностью, и с ненавистью ко всем, кто не болен и собирается жить еще долго без мучений и без боли. Думаю, тебе приходилось видеть и несправедливость по отношению к тебе самой, и оскорбительные поступки, и грубость. Поэтому тебе могло показаться, что я какой-то особенный. Мне жаль разрушать твои иллюзии, но в моей ситуации честность и правда будут лучшим подарком. Сейчас я действительно «добрый, прощающий и принимающий», но еще совсем недавно я таким не был. Глядя на себя тогдашнего, могу сказать совершенно искренне: я был ужасен. Отвратителен. Я был чудовищем, тупым и неуправляемым. Сегодня мне трудно представить, что Игорь Выходцев двух-трехлетней давности — тот же человек, который теперь лежит в постели и готовится проститься с тобой. словно две разные личности... Чтобы ты мне поверила, мне придется описать путь, который я прошел. Путь мрачный, трудный и горький. Не уверен, что мне хватит сил и времени. Слишком поздно я спохватился, слишком поздно решил на эту исповедь, нужно было раньше начинать, тогда был бы шанс объяснить тебе все в деталях и подробностях, шаг за шагом. Придется торопиться, многое пропустить. Но я надеюсь, что

ты сумеешь меня понять. И простить мой невольный обман, ведь я совсем не так хорош, как ты думаешь. Видишь, я уже начал говорить «если бы... тогда бы». Где-то я услышал фразу о том, что жизнь в тюрьме состоит из сослагательного наклонения, которое никогда не превратится в изъявительное. То же самое можно сказать и о жизни онкологического больного в терминальной стадии. Когда я вдруг это осознал, то понял, какую самую главную ошибку мы все совершаем. Знаешь какую? Мы постоянно и по любому поводу думаем, что «так будет всегда». Вернее, не думаем даже, а просто исходим из этого, принимая решения и составляя планы. Мы всегда будем молоды, здоровы и полны сил. Наши близкие всегда будут с нами. Наша работа и наш заработок никуда не денутся. Мы все сможем и все успеем. Мы всегда будем любить тех, кого любим сегодня. И те, кто любит нас сегодня, никогда нас не разлюбят. Ну, и так далее. Нам кажется, что впереди еще куча времени и много возможностей. А потом вдруг что-то случается, и на нас бетонной плитой обрушивается сослагательное наклонение...»

Текст письма Инга давно выучила наизусть. Нет, не специально, конечно, не старалась запомнить, просто читала его бесчисленное количество раз, вот и запомнилось. Конверт лежал в выдвижном ящичке прикроватной тумбы. За несколько дней до конца Игорь сказал ей:

— Когда все случится — открой ящик, там для тебя письмо.

Посмотрел на ее встревоженные и вспыхнувшие любопытством глаза и усмехнулся:

— Не вздумай стащить его раньше времени. Знаю я вас, девчонок. Наберись терпения.

Усмешка сползла с его губ, и он тихо добавил:

— Потерпи. Осталось недолго.

Опытная медсестра, Инга и сама видела, что все произойдет совсем скоро. На следующий день она оформила на работе отпуск за свой счет по семейным обстоятельствам и проводила у Выходцева круглые сутки. Она не могла допустить, чтобы он уходил в одиночестве. Но даже когда больной впадал в забытие, не смела открыть ящик и посмотреть, что в нем. Сидела у постели Игоря, держала за руку, ставила капельницы, делала уколы, помогала дойти до ванной, читала вслух, приносила теплый чай с лимоном, а сама гадала: что может быть в том письме? Признание в любви? Как глупо! Пусть бы сказал словами, она была бы так счастлива, пусть и всего несколько дней! Она то влюбилась в умирающего почти сразу, как начала приходить сюда, чтобы проводить необходимые процедуры. И с самого начала точно знала, что будущего у ее чувства нет. Никакого.

От воспоминаний Ингу отвлек звук шагов, неровный, шаркающий. «Хромой», — успела подумать она, прежде чем подняла глаза. К ней приближался мужчина лет сорока пяти — пятидесяти, в униформе с надписью «Ритуал», коренастый, широкоплечий, крепкий, но действительно сильно припадающий на правую ногу.